© 2019. В. И. Мельник
г. Москва, Россия

Логика творчества И. А. Гончарова: к постановке проблемы

Аннотация: В статье ставится вопрос о логике развития творчества Гончарова, о главной идее, которую он выработал уже к концу 1830-х — началу 1840-х гг. и последовательно развивал в своей романной трилогии. Она связана с проблемой сохранения религиозного сознания современного человека в условиях резкого перелома истории и выхода человечества из «младенческой веры» и мифопоэтического сознания на фоне бурного прогресса науки. Рассматриваются истоки и причины глубокого интереса Гончарова к развитию науки и техники, в особенности, к открытиям астрономии. Предмет художественного исследования Гончарова сформировался в студенчестве — при изучении «Божественной комедии» Данте. Наиболее зримыми признаками творческой ориентации Гончарова на «Божественную комедию» являются фамилии главных героев, восходящих от «Ада» (Адуев) к «Раю» (Райский). Логика развития романной трилогии показывает, что все три романа были задуманы как части одного целого в одно время. Исторический оптимизм романиста зиждется на представлении о том, что научный и технический прогресс не входит в противоречие с Божьим Промыслом о человечестве, но способствует его реализации. Главенствующей здесь является мысль о «красоте» как самодостаточной силе, заложенной Богом в человеческую природу.

Ключевые слова: Гончаров, наука, религия, кризис, трилогия, Данте, логика творчества

Информация об авторе: Мельник Владимир Иванович, ORCID ID: 0000-0001-9684-8943, доктор филологических наук, член-корреспондент АН Республики Татарстан, Москва

Е-mail: melnikov1985@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 05.08.2019

Дата публикации статьи: 10.12.2019

Для цитирования: Мельник В. И. Логика творчества И. А. Гончарова: к постановке проблемы // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 2. С. 110–143. DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-2-110-143

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. Vladimir I. Melnik
Moscow, Russia

Logician of creativity I. A. Goncharov: to statement of a problem

Annotation: The article raises the question of the logic of Goncharov's creativity development, about the main idea that he developed by the end of 1830s — early 1840s and subsequently developed in his novel of his trilogy. It is connected with the problem of preserving the religious consciousness of modern man in the conditions of a sharp change in history and the exit of mankind from the “infant faith” and mythopoetic consciousness against the background of the rapid progress of science. The origins and causes of Goncharov's deep interest in the development of science and technology, especially in the discoveries of astronomy, are considered. The subject of Goncharov's artistic research was formed as a student — in the study of Dante's “divine Comedy”. The most visible signs of Goncharov's creative orientation to the “Divine Comedy” are the names of the main characters, ascending from “Hell” (Aduv) to Paradise (Raikiy). The logic of the development of the novel's trilogy shows that all three novels were considered as three parts of one whole at one time. The historical optimism of the novelist is based on the idea that scientific and technological progress are not in conflict with God's Providence for humanity, but contribute to its realization. The idea of a “beauty” as a self-sufficient and inherent in the human nature by God's power is dominant here.

Keywords: Goncharov, science, religion, crisis, trilogy, Dante, the logic of creativity

Information about the author: Vladimir I. Melnik, ORCID ID: 0000-0001-9684-8943, DSc in Philology, corresponding member Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Moscow, Russian Federation

E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Received: August 05, 2019

Published: December 10, 2019

For citation: Melnik V. I. Logician of creativity I. A. Goncharov: to statement of a problem. Two centuries of the Russian classics, 2019, vol. 1, № 2, pp. 110–143. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-2-110-143

Выявление логики творчества писателя, на наш взгляд, предполагает определение и анализ развития той главной идеи, которой он руководствовался на протяжении всей жизни, ибо при всем разнообразии тем, мотивов, образов, поэтических приемов в различных произведениях одного и того же автора, при всем множестве частных задач (например, Л. Н. Толстой сказал: «... в “Анне Карениной” я люблю мысль семейную, в “Войне и мире” любил мысль народную» [Толстая: 502]), в творчестве большого писателя всегда есть та «стволовая» идея, которую он многообразно развивает от произведения к произведению и которая составляет оригинальное содержание его мира. В выборе и характере разработки этой идеи, собственно, и проявляется его неповторимое понимание жизни и человека. Исследование частных вопросов художественного творчества так или иначе ведет к уточнению наших представлений о главном предмете внимания писателя, однако рано или поздно появляется необходимость обобщения, позволяющего увидеть творчество автора в целом, выявить логику его развития. Подобное обобщение никогда не является окончательным, но всего лишь отражает степень и характер развития современной науки о писателе.

Вопрос о логике творческого развития для разных авторов имеет различную степень актуальности. Что касается И. А. Гончарова, то этот вопрос давно назрел, поскольку — при всем бурном развитии гончароведения в последние три десятилетия и тщательной проработке массы частных проблем, в частности, с уклоном в культурологию, — нерешенными остаются как раз наиболее существенные филологические проблемы его наследия, относящиеся, прежде всего, к периодизации его творчества, пониманию феномена практически одновременного задумывания в 1840-е гг. тридцатилетним автором сразу трех романов («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»), а также к уяснению самой художественной природы его «трилогии» как целого, к философским и иным истокам его творчества и т. п. Об отдельных произведениях

Гончарова существует целая литература, однако вопрос о логике творческого развития романиста до сих пор не ставился в гончароведении, а между тем автор «Обломова» лишь на первый взгляд прошел типичный для русского реалиста XIX в. ясный и понятный путь от переводов и ранних стихов до нескольких «старческих» очерков в конце жизни, которые признаны слабыми произведениями [Цейтлин, 1950: 299–300] и которые предлагается отнести к разряду «творческих неудач» [Кубасов: 253].

Справедливости ради надо сказать, что любое серьезное исследование творчества Гончарова так или иначе затрагивает широкую проблематику, анализирует закономерности, наблюдаемые в мире идей и эстетики художника. В последнее время появились попытки уловить глубокие связи между романами писателя и разгадать феномен не совсем обычной романной «трилогии» [См., например: Шевырев: 118–180; Мельник, 2000: 31–34; Мельник, 2008: 280–284; Богомолова, 2009; Беляева, 2007; «Странные сближения»: 23–28; Беляева, 2007; «Тройственная поэма»: 37–40]¹. Кроме того, немало работ посвящено поиску устойчивых мотивов, характерологии героев в трилогии Гончарова [Воробьева: 28–32; Кочетова: 281–288; Богомолова, 2009: 90–94; Доманский: 187–223]. Однако указанные попытки все-таки не позволяют понять, какова же та идея, которой руководствовался молодой еще Гончаров, сразу определивший главный вектор своего художественного развития на многие годы вперед и задумавший одновременно не один, а три романа, последний из которых будет опубликован лишь в 1869 г., когда сам писатель приблизится к шестидесятилетнему рубежу.

Сразу оговоримся, что в настоящей работе речь пойдет не столько о попытках изображения авторского идеала [см.: Мельник, 1985: 45–108; Мельник, 1991], сколько о том, что стоит, как правило, за изображаемым идеалом, — об авторской идее (хотя оба понятия можно разделить лишь условно).

В русской литературе Гончаров был одним из немногих художников, тяготевших к концептуальному мышлению и к завершенности художественной картины мира. Эпичность художественного мышления писателя, его тяготение к жанру большого романа — все это выросло из потребности выражения идеи, адекватно отражающей духовно-нрав-

¹ Термин «трилогия» встречается в библиографии Гончарова, начиная с 1927 г. [Цейтлин, 1927: 95–108], но в основном лишь в общем значении суммарного обозначения романного творчества писателя.

ственную доминанту эпохи. Известно, что автора «Обломова» отличают необычайно масштабные обобщения. Так, В. А. Недзвецкий справедливо отмечал, что «принципиальной особенностью реалистической типизации Гончарова является все более возрастающее стремление брать разнородные преходящие общественные приметы своего времени не просто широко, суммарно, но возводить их к неким “главным”, или “коренным”, “племенным”, “основам” жизни в целом — русской и мировой» [Недзвецкий: 66]. Однако дело не только в том, что романист возводит «приметы времени» к коренным основам мировой жизни, ибо это обозначает лишь своеобразие эстетики и масштаб художественного мышления писателя, но ничего не говорит об идее, которую проводит Гончаров в своем творчестве. Между тем, отмеченная широта художественной типизации выростала из масштаба философской мысли писателя, который пытался дать системный ответ на коренной, по Гончарову, вопрос современности: вопрос о сохранении религиозной основы жизни в условиях резкого перелома истории и «выхода из детства» человечества.

Что касается проблемы религии, то исследователи привыкли связывать ее исключительно с романом «Обрыв» (1869), который зачислен, как известно, в разряд «антинигилистических романов». Тем самым смысл романа сильно обеднен. Религиозная идея проявляется в творчестве Гончарова не в противопоставлении нигилизму (это лишь частный момент, актуализированный в «Обрыве»), а в противопоставлении нарастающему охлаждению и равнодушию к религии, в новых исторических условиях глубокого и всеохватного изменения сознания человека XIX в., не опровергающего религию, а утратившего серьезность, глубину и непосредственность религиозного переживания. О религиозном охлаждении общества Гончаров писал в «Необыкновенной истории»: «Человек, жизнь и наука — стали в положение разлада, борьбы друг с другом: работа, т. е. борьба кипит — и что выйдет из этой борьбы — никто не знает! Явление совершается, мы живем в центре этого вихря, в момент жаркой схватки — и конца ни видеть, ни предвидеть не можем!

Но продолжительное ожидание переходит в утомление, в равнодушие. Вот враг, с которым приходится бороться: равнодушие! А бороться нельзя и нечем! Против него нет ни морального, ни материального оружия! Он не спорит, не противится, не возражает, молчит и только спускается все ниже и ниже нуля, как ртуть в термометре. От этого равнодушия, на наших глазах, пало тысячелетнее папство!» [Гончаров, 2000: 272].

Принято считать, что столкновение традиционного религиозного мировоззрения с позитивной философией Гончаров показал в конце 1860-х гг. в романе «Обрыв» [Мельник, 1991: 76–114]. Однако влияние бурного развития естественных наук на традиционные религиозные и нравственные ценности, принятые в обществе, Гончаров заметил гораздо раньше, еще в 1830-е гг.

В статье «Намерения, задачи и идеи романа “Обрыв”» он писал: «... в наше время... человеческое общество выходит из детства и заметно зреет... наука, ремесла, промышленность — делают серьезные шаги...» [Гончаров, 1952–1955. Т. 8: 210–211]. В шатких умах «выход из детства» породил эпидемию утраты «младенческой веры» — не только в чудеса, и вообще в сверхъестественное, но и в идеальное. Этот процесс нашел отражение уже в романе «Обыкновенная история», в котором впервые изображен носитель позитивной философии, без волоховских крайностей, Петр Иванович Адуев. Он вовсе не нигилист, но как раз представитель удушающего «равнодушия» к идеалам и религии в жизни. О разрушении интимно-семейных отношений Гончаров выскажется как публицист в 1870-е гг. («В общественных, политических, национальных вопросах сентименты давно изгнаны, наконец и в частных, интимных отношениях — их заменяют тоже компромиссы и т. п.!» [Гончаров, 2000: 272]), но как художник он показал это еще в 1840-е гг. в своем первом романе. Столкновению двух жизненных философий в лице дяди и племянника Адуевых Гончаров придал тот расширительный смысл, который ясно прочитывается и во «Фрегате “Паллада”», и в «Обрыве». Предметом внимания художника здесь был не только частный конфликт времени, отмеченный В. Г. Белинским в письме к В. П. Боткину («Я уверен, что тебе повесть эта сильно понравится. А какую пользу принесет она обществу! Какой она страшный удар романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинциализму!»), но и глобальный конфликт тысячелетнего мирового разлома, происходящего на глазах современников Гончарова в XIX в. Романисту дано было почувствовать необычайную трагичность своего времени, с неизвестной (но ему всегда хотелось верить, что — оптимистичной, ибо он верил в Божий Промысел о человечестве) перспективой развития событий. История человечества разделилась в его сознании на две неравные половины: от патриархального «золотого века» до современности, в которой начинает зарождаться нечто новое, основанное на рационализме восприятия жизни, на основе

научного мировоззрения. Разлом истории, которую Гончаров измеряет тысячелетней мерой, автор «Обыкновенной истории» остро почувствовал в то время, когда в русском обществе еще не было и мысли о масштабности происходящего. Современная литература сосредоточилась в то время на «злобе дня» более частного порядка (крепостное право, эмансипация женщин, свобода печати и пр.). Гончаров никогда не игнорировал острые конфликты современности, но подача их в его произведениях отличалась более спокойным и объективным (многие говорили о «равнодушии») тоном потому, что он видел и показывал их в незаметном для других, но чрезвычайно важном для себя свете тысячелетнего перелома истории. Этот тон определялся высотой исторического измерения, который выразился, например, в таком пассаже из «Обломова»: «И на Выборгской стороне, в доме вдовы Пшеницыной, хотя дни и ночи текут мирно, не внося буйных и внезапных перемен в однообразную жизнь, хотя четыре времени года повторили свои отправления, как в прошедшем году, но жизнь все-таки не останавливалась, всё менялась в своих явлениях, но менялась с такою медленною постепенностью, с какою происходят геологические видоизменения нашей планеты: там потихоньку осыпается гора, здесь целые века море наносит ил или отступает от берега и образует приращение почвы» [Гончаров, 1997–2014. Т. 4: 374].

По Гончарову, «сентименты» изгнаны из личного и общественного сознания потому, что, благодаря бурному развитию науки и общества, пропала «детскость веры». Лучше всего эта мысль выражена в неотправленном письме к философу Владимиру Соловьеву после прочтения его книги «Чтения о Богочеловечестве». На склоне лет Гончаров писал: «Да, нельзя жить человеческому обществу этими добытыми результатами позитивизма... надо обратиться к религии, говорите Вы (и все мы с Вами тоже)... надо обратиться к другому авторитету, от которого убежали горделивые умы, к авторитету миродержавному. Но как? Чувства младенческой веры не воротишь взрослому обществу: основания некоторых библейских сказаний с мифологическими сказаниями греческой и других мифологий — (не говоря уже о новейшей науке) подорвали веру в чудеса — и развившееся человеческое общество откинуло все так называемое метафизическое, мистическое, сверхъестественное» [Гончаров, 1994: 348–349].

Чтобы убедиться в том, что главная мысль Гончарова едина от 1840-х гг. до конца его творческого пути, приведем хотя бы отрывок из «Обык-

новенной истории», на который обычно не обращают внимания. Характерно, что здесь Гончаров пользуется той же лексикой, что и в письме к В. Соловьеву, написанному предположительно в 1881–1882 гг. Напомним, что Александр Адуев, разочарованный в Петербурге, возвращается в родные Грачи, заходит в церковь и там предаётся размышлениям. «...“Пока в человеке кипят жизненные силы, — думал Александр, — пока играют желания и страсти, он занят чувственно, он бежит того успокоительно-го, важного и торжественного созерцания, к которому ведет религия... он приходит искать утешения в ней с угасшими, растраченными силами, с сокрушенными надеждами, с бременем лет...” [Гончаров, 1997–2014. Т. 1: 443].

Мало-помалу, при виде знакомых предметов, в душе Александра пробуждались воспоминания. Он мысленно пробежал свое детство и юношество до поездки в Петербург; вспомнил, как, будучи ребенком, он повторял за матерью молитвы, как она твердила ему об ангеле-хранителе, который стоит на страже души человеческой и вечно враждует с нечистым; как она, указывая ему на звезды, говорила, что это очи Божиих ангелов, которые смотрят на мир и считают добрые и злые дела людей, как небожители плачут, когда в итоге окажется больше злых, нежели добрых дел, и как радуются, когда добрые дела превышают злые. Показывая на синеву дальнего горизонта, она говорила, что это Сион... Александр вздохнул, очнувшись от этих воспоминаний.

“Ах! если б я мог еще верить в это! — думал он. — *Младенческие верования утрачены* (курсив мой — В. М.), а что я узнал нового, верно-го?... ничего: я нашел сомнения, толки, теории... и от истины еще дальше прежнего... К чему этот раскол, это умничанье?... Боже!.. когда теплота веры не греет сердца, разве можно быть счастливым? Счастливее ли я?”

Всенощная кончилась. Александр приехал домой еще скучнее, нежели поехал» [Гончаров, 1997–2014. Т. 1: 443–444].

Размышления Александра Адуева носят автобиографический характер, Гончаров ощущал утрату «младенческих верований» не только как общественную, но и как личную драму. Наиболее характерно его настроения выплеснулись в строках письма к А. Ф. Кони от 30 июня 1886 г.: «Я с умилением смотрю на тех сокрушенных духом и раздавленных жизнью старичков и старушек, которые, гнездясь по стенке в церквах, или в своих каморках перед лампадой, тихо и безропотно несут свое иго — и видят жизнь и над жизнью высоко только крест и Евангелие, одному этому верят и на одно надеются! Отчего мы не такие. “Это глупые, бла-

женные», — говорят мудрецы мыслители. Нет — это люди, это те, которым открыто то, что скрыто от умных и разумных. Тех есть Царствие Божие и они сынами Божиими нарекутся!» [Гончаров, 2000: 499]. При этом заметим, что на протяжении всей жизни Гончаров как христианин не утрачивает окончательной связи с «младенческими верованиями», хотя и тщательно скрывает это от окружающих, говоря, чаще всего (например, в письмах), об иных сторонах современного религиозного сознания. Последний раз, причем в автобиографическом ключе, он изобразил носителя «младенческой веры» в пономаре Ереме в новелле «Уха», написанной за несколько недель до смерти [Мельник, 2017].

К этой же проблеме обращается писатель и во «Фрегате “Паллада”», где вопрос о завершении тысячелетней истории господства «мифа» и «веры», с одной стороны, и о начале новой (научно-промышленной) эпохи человеческой истории — с другой, представлен в культурно-цивилизационном освещении. Гончаров условно делит историю человечества на два периода: «мифопоэтическую» («детство») и «культурно-цивилизационную» или «творческую» («выход из детства»). Эта своеобразная историософия упомянута в первой главе «Фрегата», где писатель объясняет мотивы своего неожиданного для многих решения совершить кругосветное плавание: «Всё было загадочно и фантастически прекрасно в волшебной дали: счастливицы ходили и возвращались с заманчивою, но глухою повестью о чудесах, с *детским толкованием тайн мира* (курсив мой — В. М.). Но вот явился человек, мудрец и поэт, и озарил таинственные углы. Он пошел туда с компасом, заступом, циркулем и кистью, с сердцем, полным веры к Творцу и любви к Его мирозданию. Он внес жизнь, разум и опыт в каменные пустыни, в глушь лесов и силою светлого разума указал путь тысячам за собою. “Космос!” Еще мучительнее прежнего хотелось взглянуть живыми глазами на живой космос. “Подал бы я, — думалось мне, — доверчиво мудрецу руку, как дитя взрослому, стал бы внимательно слушать, и, если понял бы настолько, насколько ребенок понимает толкования дядьки, я был бы богат и этим скудным разумением”...» [Гончаров, 1997–2014. Т. 2: 10].

В своей книге Гончаров наблюдает *одновременно* все исторические эпохи, от античного «золотого века» (идиллическая жизнь на Ликейских островах, «спящая» Япония и пр.) до современного развитого государства (Англия, американцы в разных частях света), что дает ему повод вновь и вновь возвращаться к любимой мысли о переломе тысячелетней

истории, совершающемся на глазах его современников. Но во «Фрегате “Паллада”», в силу жанровых особенностей книги и необходимости дать описание путешествия, проблема кризиса религиозного сознания человечества не выражена столь же явно как в «Обыкновенной истории» или в «Обрыве». Зато получает подробную и завершенную историософскую аргументацию оптимистический взгляд Гончарова на перспективу нового этапа человеческой истории. Исторический оптимизм романиста зиждется на его представлении о том, что научный и технический прогресс не только не входят в противоречие с Божьим Промыслом о человечестве, но способствуют его реализации. Автор путешествия развивает философию истории в духе русских мыслителей Серебряного века, рассматривая человечество как со-работника Творцу, Который повелел человеку «насадить землю», «превратить пустыню в сад».

Оптимизм книги обусловлен тем, что, в отличие от романов, Гончаров говорит здесь не о человеке, а о человечестве. Проблема утраты «младенческой веры», «идеалов», «сентиментов» и, так сказать, первичной, «материнской» основы существования (что с новой силой вспыхнет в «Обломове») во «Фрегате» затрагивается в основном косвенно, хотя и не снята с повестки дня (изображение «цивилизационной избыточности» в жизни Лондона). Зато здесь приобретает конкретность важная мысль, которая, словно купол, завершает архитектуру размышлений Гончарова на тему «человек и Бог». Это мысль о «замысле Бога» о человеке и человечестве, о конечных целях исторической деятельности, доступных пониманию человека, мысль о том, что человечество призвано исполнить важную миссию: «насадить красоту» в Божьем Саду и реализовать себя как со-работника Бога, как со-Творца, или, говоря словами самого романиста, «возвратить Творцу плод брошенного Им зерна»¹. В своей книге путешествия Гончаров и показывает про-

¹ Сходные мысли высказывал, хотя и позже, например, В. С. Соловьев, который в статье «Об упадке средневекового миросозерцания» (1891) писал: «... осуществление самого Царства Божия зависит не только от Бога, но и от нас, ибо ясно, что духовное перерождение человечества не может произойти помимо самого человечества... оно есть дело, на нас возложенное, задача, которую мы должны разрешать» [Соловьев, 1990: 115–116]. Корни идеи о творческой миссии человечества кроются в немецкой философии. Например, согласно И. Фихте, в основе всего существующего лежит абсолютный разум, сверхиндивидуальный субъект, творческая деятельность которого может реализоваться только через человека.

буждение человечества к облагораживающей деятельности, к украшению земли и человеческой души. Говоря об освоении Сибири русскими людьми, Гончаров открыто выражает свою мысль, поднимаясь до высот религиозной философии: «И когда совсем готовый, населенный и просвещенный край, некогда темный, предстанет перед изумленным человечеством, требуя себе имени и прав, пусть тогда допрашивается история о тех, кто воздвиг это здание... Это те же люди, которые в одном углу мира подали голос к уничтожению торговли черными, а в другом учили алеутов и курильцев жить и молиться — и вот они же создали, выдумали Сибирь, населили и просветили ее, и теперь хотят возвратить Творцу плод брошенного Им зерна» [Гончаров, 1997–2014. Т. 2: 677–678]. Поэтому большое место в книге занимает тема миссионерства как цивилизаторской работы, перед нами разворачивается широкая картина изменения мира, все более могучего распространения христианства и внешней формы его бытования в мире — европейской (христианской) цивилизации, ибо по Гончарову, «... нет другой цивилизации, кроме христианской, все прочие религии не дают человечеству ничего, кроме мрака, темноты, невежества и путаницы» [Гончаров, 1952–1955. Т. 8: 71]. Во время путешествия Гончаров как никогда ощутил единство христианства и цивилизации, культуры.

Показывая государства и народы, находящиеся на разных стадиях цивилизационного развития, Гончаров убеждает в неизбежности «пробуждения от сна» или «повзреления» человечества в целом, прощания человечества с эпохой «мифологии». Область его интересов — не только география, но и философия «космоса» в понимании А. Гумбольдта (к этому времени Гончаров, несомненно, уже прочел первые два или три тома «Космоса» Гумбольдта — первый том вышел в 1845 г.)¹. Возможно, Гумбольдт, пользовавшийся непререкаемым авторитетом в

¹ Замечание в письме к К. Д. Кавелину от 25 марта 1874 г. о том, что при строгом подходе даже от Гумбольдта «можно пожелать большей подготовки, нежели ту, какую он имел» [Гончаров, 1952–1955. Т. 8: 464], свидетельствует в пользу предположения, что Гончаров был знаком с трудами немецкого ученого, по крайней мере, с популярно написанным «Космосом». При этом оговорка Гончарова имеет подоплекой то, что Гумбольдт был стихийным материалистом и объяснял развитие природы ее внутренними силами и причинами, с чем Гончаров никогда согласиться не мог, считая, что пути веры и науки «параллельны и бесконечны» и что наука ни в коем случае не заменяет веры.

мировой науке, и был тем «мудрецом и поэтом», которого Гончаров хотел бы взять за руку, чтобы идти за ним в познании мира. Но «космос» для Гончарова обнаруживает не столько его несомненную любовь к астрономии, сколько его философию жизни, в основе которой для него лежит религия и сердце, «полное веры к Творцу и любви к Его мирозданию». Вспомним, что «когда Платон, Ксенофон и Аристотель говорят о небесах как о *kosmos*, они имеют в виду не непосредственное созерцание ночного неба, но всеобъемлющий порядок вещей, в котором движение небесных тел предстает только как наиболее заметное и наиболее величественное его проявление» [Charles H. Kahn]. Задача изображения современного представления о «космосе» — это один из важнейших духовных и философских центров «Фрегата “Паллады”», притягивающий к себе всю эмпирику разнородных наблюдений автора-путешественника. Слово «космос» здесь поставлено во вполне земной контекст: путешественник хотел бы, вслед за А. Гумбольдтом, постигнуть единство, всеобщую связь элементов «космоса» родной планеты, увидеть ее всю целиком и осознать единство происходящих исторических процессов. Это и было сделано в книге «Фрегат “Паллада”», все очерки которой объединены не только образом автора, но и постоянно продвигаемой историософской мыслью, исходной точкой которой является «вера Творцу и любовь к Его мирозданию».

Гончаров противопоставляет две глобальные эпохи развития человечества во многих своих произведениях, говорит об этом противопоставлении в письмах и статьях, окрашивая свои размышления то в пафосно-оптимистические, то в драматические тона. Чрезвычайно широк разброс тем и проблем, которые при этом затрагивает писатель. Это и философия, и история, и эстетика, и нравственность, и наука, и религия, и психология, и социум и пр. Даже развитие жанровых систем в литературе он склонен рассматривать под этим углом зрения. Так, в статье «Намерения, задачи и идеи романа “Обрыв”» он писал: «Европейские литературы вышли из детства (курсив мой — В. М.) — и теперь ни на кого не подействует не только какая-нибудь идиллия, сонет, гимн, картинка или лирическое излияние чувства в стихах, но даже и басни мало, чтобы дать урок читателю. Это все уходит в роман, в рамки которого укладываются большие эпизоды жизни, иногда целая жизнь, в которой, как в большой картине, всякий читатель найдет что-нибудь близкое и знакомое ему. Поэтому роман и стал почти единственной

формой беллетристики, куда не только укладываются произведения творческого искусства, как, например, Вальтера Скотта, Диккенса, Теккерея, Пушкина и Гоголя, но и не художники избирают эту форму, доступную массе публики, чтоб провести удобнее в большинство читателей разные вопросы дня или свои любимые задачи: политические, социальные, экономические» [Гончаров, 1952–1955. Т. 8: 211].

Выявление главного предмета художественного исследования Гончарова показывает, что он более других писателей-современников всматривался в процесс развития науки и техники и глубоко анализировал его влияние на сознание и нравственность современного человека, обращая особенное внимание на те изменения, которые происходили в области религиозного сознания. Определенную роль в серьезном отношении писателя к науке и технике сыграл его крестный отец, Николай Николаевич Трегубов, заменивший осиротевшим Гончаровым родного отца. Е. Ляцкий в свое время отметил: «Хотя Трегубов и причислял себя к масонам, но едва ли натура его была склонна к мистицизму. Напротив, все, что мы знаем, дает основание предполагать в нем человека высшей степени положительного ума, отдававшего предпочтение наукам точным, знанию определительному и наглядному» [Ляцкий: 15]. Е. Ляцкий пишет, что Трегубов был «хорошим математиком» и любил основанные на математике «прикладные науки — физику, астрономию, космографию» [Ляцкий: 16]. В очерке «На родине» Гончаров вспоминал: «Образование его не ограничивалось техническими познаниями в морском деле, приобретенными в морском корпусе. Он дополнял его непрерывным чтением — по всем частям знания, не жалел денег на выписку из столиц журналов, книг, брошюр. Как, бывало, прочтает в газете объявление о книге, которая, по заглавию, покажется ему интересною, сейчас посылает требование в столицу» [Гончаров, 1952–1955. Т. 8: 234]. Трегубов беспокоился об образовании маленького Вани и стремился передать ему свою любовь к техническим знаниям: «... по мере того как он старел, а я приходил в возраст, между мной и им установилась — с его стороны передача, а с моей — живая восприимчивость его серьезных технических познаний в чистой и прикладной математике. Особенно ясны и неоцененны были для меня его беседы о математической и физической географии, астрономии, вообще космогонии, потом навигации. Он познакомил меня с картой звездного неба, наглядно объяснял движение планет, вращение земли, все то, чего не умели или не хотели сделать мои школьные наставники. Я увидел ясно, что они

были дети перед ним в этих технических, преподанных мне им уроках. У него были некоторые морские инструменты, телескоп, секстант, хронометр. Между книгами у него оказались путешествия всех кругосветных плавателей, с Кука до последних времен. Я жадно поглощал его рассказы и зачитывался путешествиями» [Гончаров, 1952–1955. Т. 8: 238].

Однозначно следует сказать, что Гончаров был впечатлен научным и техническим прогрессом уже к 1830–1840-м гг. — и на протяжении всей жизни внимательно следил не только за неоднозначными результатами прогресса в области общественной жизни, но и за конкретными открытиями и новшествами. А следить было за чем. Известно, что один XIX в. принес открытий и изобретений больше, чем все предшествующие столетия вместе взятые. Подсчитано, что таких открытий было более восьми с половиной тысяч, и каких! Впервые была освоена сила пара, что позволило осуществить промышленный переворот, перейти от мануфактурного производства к промышленному. Европа и Северная Америка покрылись сетью железных дорог, страны и континенты начали «сближаться». Во «Фрегате “Паллада”» Гончаров на каждом шагу отмечает все эти изменения. Например, он пишет: «Части света быстро сближаются между собою: из Европы в Америку — рукой подать; поговаривают, что будут ездить туда в сорок восемь часов, — пух, шутка конечно, но современный пух, намекающий на будущие гигантские успехи мореплавания» [Гончаров, 1997–2014. Т. 2: 13]. Отметим писатель и превосходство пара над силой ветра. Накануне столкновений с военными флотами Англии и ее союзников он размышляет о парусных судах, которые составляли основную силу военного флота России: «Оно, пожалуй, красиво смотреть со стороны, когда на бесконечной глади вод плывет корабль, окрыленный белыми парусами, как подобие лебедя, а когда попадешь в эту паутину снастей, от которых проходу нет, то увидишь в этом не доказательство силы, а скорее безнадёжность на совершенную победу... Напрасно водили меня показывать, как красиво вздуваются паруса с подветренной стороны, как фрегат, лежа боком на воде, режет волны и мчится по двенадцати узлов в час. “Эдак и пароход не пойдет!” — говорят мне. “Да зато пароход всегда пойдет”... Дело решено. Паруса остались на долю мелких судов и небогатых промышленников; всё остальное усвоило пар. Ни на одной военной верфи не строят больших парусных судов; даже старые переделываются на паровые» [Гончаров, 1997–2014. Т. 2: 26].

Уже в XIX в. начался выпуск первых синтетических материалов, искусственных волокон. Научные открытия в области физики, химии, биологии, астрономии, геологии, медицины следовали одно за другим. М. Фарадей открыл явление электромагнитной дуги, Д. Максвелл предпринимает исследование электромагнитных полей, разрабатывает электромагнитную теорию света. А. Беккерель, П. Кюри и М. Склодовская-Кюри, изучая явление радиоактивности, поставили под вопрос прежнее понимание закона сохранения энергии. В 1869 г. Д. И. Менделеев открыл периодический закон химических элементов. В биологии появляются теории клеточного строения всех организмов, разрабатываются основы генетики. Основываясь на исследованиях в области физиологии высшей нервной деятельности, И. П. Павлов разработал теорию условных рефлексов. В это же время возникает как таковое машиностроение (производство машин с помощью самих машин). Железо и сталь повсеместно вытесняют дерево. Уже в 1803 г. появляется первый автомобиль с паровым двигателем и в это же время строятся первые пароходы, а вскоре человечество начинает пользоваться электрическим телеграфом и телефоном. В 1863 г. появилась первая подземная железная дорога («метрополитен»), а к концу века метро функционировало уже в Лондоне, Париже, Нью-Йорке, Будапеште, Париже и других городах.

Особо следует сказать о Ч. Дарвине, чьи труды «Происхождение видов» и «Происхождение человека» произвели подлинную революцию в науке. Эти книги иначе, чем христианское учение, трактовали возникновение мира и человека. Это породило общеевропейскую дискуссию, которая не прошла мимо внимания Гончарова. Характерно, что Гончаров сумел объективно оценить значение действительно важных открытий Ч. Дарвина. В статье «О пользе истории» он писал: «Новая... наука в лице Дарвина и других создала закон о наследственности, который и прежде чувствовали и признавали все мыслящие люди... Тот же духовный закон наследственности проходит по всей истории» [Гончаров, 1965]¹. Весьма характерно, что в параллель с «материальной» наследственностью, открытой английским ученым, Гончаров говорит о «духовном законе наследственности».

¹ Идеи Гончарова отчасти перекликаются с мыслями А. К. Толстого из его стихотворения «Послание к М. Н. Лонгинову о дарвинизме» (1872), в котором поэт не защищает дарвинизм, но говорит о свободном самовыражении науки, о необходимости не противопоставлять веру и науку, а сочетать их в стремлении к истине.

Таким образом, жизнь человека в XIX в. радикально изменилась. Пространство и время стали в большей мере подчиняться человеку, благодаря чему менялась на глазах самая философия жизни, в том числе и отношение к традиционным религиозным ценностям.

По читательским интересам Гончарова видно, что в первую очередь его интересовала естественная история. Хранящаяся на родине писателя, в Ульяновском дворце книги, личная библиотека, уцелевшая лишь в незначительной своей части, содержит книги достаточно крупных европейских ученых и популяризаторов науки XIX в.: Д. Араго¹, Д. Тиндаля², Л. Фигье³, К. Фламариона⁴, Д. Дрейпера⁵ и др. [См.: Никитина, Сукайло, Кукуева, 1987].

Наибольший интерес Гончаров испытывал к открытиям в области астрономии. Причем в его библиотеке были не только научно-популярные, но и собственно научные книги по астрономии, в частности, кни-

¹ Доминик Франсуа Жан Араго (1786–1853) — французский физик и астроном, сотрудничал с А. Гумбольдтом, автор множества открытий, его имя внесено в список величайших учёных Франции.

² Джон Тиндаль (1820–1893) — английский физик, член Лондонского королевского общества, сотрудник Фарадея, автор научно-популярных книг, переведённых на многие языки мира. В библиотеке Гончарова имелась его книга «Речи и статьи» [Тиндаль, 1875]. Характерно, что книги Тиндаля были и в библиотеке Ф. М. Достоевского.

³ Луи Фигье (1819–1894) — французский химик, автор работ по истории науки. У Гончарова была как минимум одна из его популярных книг [Figuiet L, 1875].

⁴ Камиль Николя Фламарион (1842–1925) — французский астроном; выдающийся популяризатор науки, чьи книги по астрономии издаются до сих пор, в т. ч. в России. Открытия Фламариона связаны с наблюдением двойных и кратных звёзд. Также он изучал вопросы земной атмосферы, климатологии и вулканологии. В библиотеке Гончарова находились книги ученого [Flammarion C. 1869, 1872, 1873. См. об этом: Никитина, Сукайло, Кукуева, 1987: 111–112].

⁵ Джон Уильям Дрейпер (1811–1882) — американский ученый и историк науки. Первый президент американского химического общества, основатель медицинской школы Нью-Йоркского университета. Гончаров, конечно, был знаком с его книгой «Конфликт науки и религии» [Dreper J, 1874]. Возможно, читал он и его книгу «История умственного развития Европы» [Dreper J, 1862], которая пользовалась популярностью в России в середине 1860-х гг. и была переведена на русский язык в 1866 г. Дрейпер был приверженцем эволюционных идей Ч. Дарвина и Г. Спенсера.

га итальянского астронома Секки Анджело¹ (1818–1878) о поверхности Солнца [*Secchi A, 1870*]. Составители описания библиотеки Гончарова отмечают: «Присутствие книги Секки в библиотеке И. А. Гончарова несколько неожиданно: книгу Секки никак не назовешь популярной ни по языку, ни по содержанию. Видимо, любознательность и интерес Гончарова к последним достижениям в астрономии побороли боязнь “строгих научных форм”» [*Никитина, Сукайло, Кукуева, 1987: 117*]. Любопытно, что космическая тема звучит и в одном из последних произведений писателя «Май месяц в Петербурге»: «Тот лет десять все составляет какой-то лексикон восточных языков, да кроме того занимается астрономией, перечел все авторитеты от Ньютона, Гершелей,² до какого-нибудь Фламариона, и все хочет добиться, есть ли жители на Венере, Марсе³ и других планетах, какие они, что делают и прочее?» [*Гончаров, 1952–1955. Т. 7: 426*]. Последние вопросы родились у Гончарова под влиянием К. Фламариона, который издал целый ряд замечательных научно-популярных книг: «Миры воображаемые и миры реальные» (1865), «Небесные чудеса» (1865), первый популярный учебник по астрономии, «История неба» (занимательная история астрономии, 1867). Была издана целая серия его научно-популярных лекций «Этюды по астрономии» (к 1880 г. вышло девять томов).

Кстати сказать, этот интерес Гончарова к астрономии совершенно не случаен: писатель мог бы обнаружить свои собственные мысли о религиозном кризисе человечества в трудах К. Фламариона. Характерно, что они выражают мысли о религиозном кризисе человечества почти одними и теми же словами. Вопрос о том, что жизнь возможна не только на Земле, должен был, в числе других подобных, породить

¹ Секки Анджело (1818–1878) — итальянский астроном, один из основоположников звездной спектроскопии. С 1877 г. член-корреспондент Петербургской Академии Наук.

² Речь идет о семье астрономов Гершелей. Во-первых, это Уильям Гершель (1738–1822) — выдающийся английский астроном немецкого происхождения. Прославился открытием планеты Уран, а также двух её спутников — Титании и Оберона. Во-вторых, это его сестра Каролина Гершель (1750–1848), сделавшая заметные астрономические открытия. В-третьих, это Джон Гершель (1792–1871) — английский астроном и физик, сын Уильяма Гершеля.

³ Фламарион много сил посвятил исследованию Марса и написал книгу об условиях обитания на ней [*Фламарион, 1909*].

кризис религиозного сознания. Однако ученые, не потерявшие веры, искали такой ответ на этот вопрос, который не разрушал бы традиционного религиозного мышления, а примирял его с наукой, о чем много думал и сам автор «Обрыва». В предисловии к роману он писал: «Уяснение религии, даже самое отрицание ее началось вместе с религией и идет параллельно. Только пылкой юности позволительно мечтать, что эти два параллельные потока уже сошлись у ней под ногами. В спорах об этом выясняются истины, выигрывает наука, мысли, философия, а религия не теряет своей власти над большинством. Источник знания неистощим: какие успехи ни приобретает человечество на этом пути, впереди все будет бездна неведения — все людям будет оставаться искать, открывать и познавать... Мыслители говорят, что ни заповеди, ни евангелие ничего нового не сказали и не говорят, тогда как наука прибавляет ежечасно новые истины. Но в нравственном развитии дело состоит не в открытии нового, а в приближении каждого человека и всего человечества к тому идеалу совершенства, которого требует евангелие, а это едва ли не труднее достижения знания. Если путь последнего неистощим и бесконечен, то и высота человеческого совершенства по евангелию так же недостижима, хотя и не невозможна! Следовательно — и тот и другой пути параллельны и бесконечны! И то и другое одинаково трудно одолимы» [Гончаров. 1952–1955. Т. 8: 156–157]. Во введении к книге «Многочисленность обитаемых миров» (1862) Фламарион, как и Гончаров, размышлял о современном кризисе, причем в стилистике «Необыкновенной истории» и гончаровских писем: «Если мы внимательно взглянем в духовную жизнь современного человечества, то мы увидим, что человек утратил свою прежнюю веру, а с ней и безмятежный душевный покой, которым он когда-то наслаждался; что мы живем среди борьбы противоречивых мыслей и что обеспокоенное человечество ищет философию, которая создала бы прочную религиозную основу для развития и осуществления его надежд... человек, обессиленный сомнениями, теряет сознание и падает в объятия скептицизма. Завершено дело разрушения!.. Прошлое умерло; новая философия еще не родилась, она еще скрывается в хаосе творчества. Дух современного человечества живет в противоречии с самим собой, он распадается сам в себе. Природоведение, этот могучий властелин нашего времени, руководящий прогрессом, никогда еще не был так чужд всякой философии, как именно теперь. Во главе есте-

ственных наук стоят люди, которые совершенно произвольно отрицают бытие Божие...» [*Фламмарион*, 1908: 3–4].

Писатель был в курсе развития современной науки и потому, что ему приходилось следить всем этим и по своим служебным обязанностям цензора. При этом его интересовали не только отдельные открытия, но прежде всего философия современной науки и ее влияние на традиционные институты общества: религию, нравственность и пр. Несомненно признавая научный и технический прогресс как положительное явление, романист прекрасно понимал относительность могущества науки, вовсе не отменяющей религиозных ценностей, хотя и воздействующей в этом плане на незрелые умы. В том же предисловии к «Обрыву» он замечал: «Нельзя жертвовать серьезными практическими науками малодушным опасением незначительной части вреда, какая может произойти от свободы и широты ученой деятельности. Пусть между молодыми учеными нашлись бы такие, которых изучение естественных или точных наук привело бы к выводам крайнего материализма, отрицания и т. п. Убеждения их останутся их личным уделом, а учеными усилиями их обогатится наука, как некогда исследованиями алхимиков и астрологов, добивавшихся открытия философского камня и тайн читать будущее по звездам, обогатились химия и астрология» [*Гончаров*. 1952–1955. Т. 8: 156].

Принципиально вопрос о соотносительности современной науки и религиозного сознания был решен Гончаровым еще до написания «Обыкновенной истории». С тех пор его воззрения принципиально не менялись. В 1881 г. выходит уже упомянутая книга В. Соловьева «Чтения о Богочеловечестве», в которой Гончаров нашел сходные для себя мысли, чем и было вызвано его письмо к философу. В своей книге В. Соловьев подчеркивал, что центральный момент современной духовной жизни — это «стремление организовать человечество вне безусловной религиозной сферы». Автор «Чтений о Богочеловечестве» отмечал, что «этим стремлением характеризуется вся современная цивилизация» [*Соловьев*, 1881: 3]. Логика книги подсказывала, что укрепить в обществе расшатанные основы традиционного религиозного мышления уже невозможно, если действовать лишь методом огульного и прямолинейного отрицания успехов естественных наук и позитивизма. «Чтения о Богочеловечестве» представляли собою попытку синтезировать религию и научный эмпиризм во имя осуществления на земле христианского идеала. Причем именно религия выступала в этом синтезе на

первый план, хотя и была «научно» оснащена [Лосев, 1983: 186].

Гончаров, судя по его письму-рецензии, согласен, во всяком случае, с тем, что религия и наука не должны противостоять друг другу. Он утверждает: «Вера — не смущается никакими “не знаю” — и добывает себе в безбрежном океане все, что ей нужно. У ней есть одно единственное и всесильное для верующего орудие — чувство.

У разума (человеческого) ничего нет, кроме первых, необходимых для домашнего, земного обихода, знаний, т. е. азбуки всеведения. В перспективе, весьма туманной, неверной и далекой — у дерзких пионеров науки есть надежда дойти когда-нибудь до тайн мироздания надежным путем науки.

Настоящая (т. е. современная — В. М.) наука мерцает таким слабым светом, что пока дает только понятие о глубине бездны неведения. Она, как аэростат, едва взлетает над земной поверхностью и в бессилии опускается назад» [Гончаров, 1994: 348]. Любопытно, что и Достоевский сходным образом отзывался о состоянии современной ему науки: «Наука человеческая еще в младенчестве, почти только начинает дело...» [Достоевский. 1972–1988. Т. 22: 33].

Подчеркнем, что мировоззрение Гончарова, его отношение к науке и религии в их соотнесенности, сложилось не позднее середины 1840-х гг., и в основных чертах, вопреки установившемуся в гончароведении мнению о резком «поправении» писателя в 1860–1870-е гг., принципиально не менялось. Поражает как раз ранняя религиозная и философская зрелость Гончарова, который опередил многих своих современников в подходе к важнейшей для XIX в. проблеме: как жить в условиях, когда «чувства младенческой веры не воротишь взрослому обществу» [Гончаров, 1994: 349].

Очевидно, что еще во времена обучения в Московском университете, Гончаров задумался о соотнесенности науки и религиозного сознания как общественной проблемы, захватившей в свою орбиту не последние годы и десятилетия, а целое тысячелетие. Уже в университете начинали закладываться основы мировоззрения Гончарова, уже там, на лекциях С. П. Шевырева, он должен был быть поражен художественным экспериментом А. Данте в его трехчастной «Божественной комедии»: тем, что произведение великого итальянца давало цельное и законченное на тот момент представление о мироздании, согласуясь с последними достижениями науки, а также величавым, заложенным в

самую архитектуру комедии, способом выражения авторского идеала. Шевырев в своей диссертации справедливо писал: «... мир представлен у него по принятым положениям Космологии его времени. Мысли его о земле и небе не суть ни создания его собственного воображения, ни поверья простого народа, а знания, принятые учеными века» [Шевырев, 2010: 93]. Шевырев был безусловным поклонником Данте и написал первую в России диссертацию о нем, опубликованную в 1833–1834 гг. [Шевырев, 1834: 118–180]. Вместе с тем, полный перелом в отношении творчества Данте совершился в то время лишь недавно. Еще в 1822 г. профессор Московского университета А. Мерзляков в своем учебнике указывал на «неправильный и часто противный здравому рассудку состав» «Божественной комедии» [Мерзляков, 1822: 219]. Это были отголоски уничижительных оценок «Божественной комедии» из уст представителей западного Просвещения, в частности, Вольтера, который неоднократно критиковал Данте. Академик М. П. Алексеев писал: «Для Вольтера... средние века представлялись эпохой заката умственной деятельности, мрака, суеверия и фанатизма; неудивительно, что и “Божественную комедию” он считал лишенной “вкуса” и полной “причудливости”: так думало и большинство его современников» [Алексеев, 1983: 158–159].

Уже в студенческие годы у будущего писателя впервые зародилась мысль о создании не отдельных произведений, а трилогии, в которой будет просматриваться «Ад» (Адуевы), «Чистилище» (Обломов: облом, не ад, и не рай) и «Рай» (Райский). Мы уже имели возможность писать об этой «дантовской» архитектонике романной трилогии Гончарова [Мельник, 2000: 31–34; Мельник, 2008: 140–144], однако вне контекста нынешних размышлений о раннем созревании концептуальной и завершенной картины мира, в центре которой для Гончарова — Бог-Творец в его отношениях с человеком и человечеством. В данном случае мы говорим не столько о личной вере писателя, сколько об основах его миропонимания; и если его личная вера претерпевала от 1830-х до 1890-х гг. заметные изменения, то мировоззрение Гончарова в целом оставалось неизменным, и лишь дополнялось новым набором тем и проблем, выдвигаемых развитием русской жизни. Эти темы и проблемы имели частный характер в сложившейся картине мироздания, они органично вписывались и находили свое место в ней, не меняя принципов и основ философии жизни романиста.

Возвращаясь к сути его художественной философии, скажем: дело не только и не столько в том, что Гончаров, едва ли не единственный в первой половине XIX в. оказался чувствительным к столь значимой проблеме, как бурное развитие науки и техники, разлом мировой истории («утрата младенческой веры» и стремительное «повзросление» человечества, конец мифопоэтического сознания и «тысячелетнего папства»). Важно, что он имел целью вырабатывать свою «программу» действия, направленную на изменение сознания современников. Первые следы этой «программы» обнаруживаются в раннем очерке «Иван Савич Поджабрин» (1842), а затем в художественно-философском эссе «Письма столичного друга к провинциальному жениху» (1848). В основе исторического оптимизма Гончарова и его надежды на то, что человечество переживет этот «вихрь, момент жаркой схватки», преодолееет возникший исторический «обрыв», не отойдет от религиозных ценностей, лежит не только его личная вера в благой Божий Промысел о человечестве, но и его представление о роли «красоты» в жизни человека. Это представление также сформировалось весьма рано — в годы обучения в университете, прежде всего на лекциях Н. Н. Надеждина, который, по словам писателя, заменял студентам «десяток профессоров». Именно там, серьезно изучая памятники античной культуры и ее интерпретаторов, прежде всего И. Винкельмана, Гончаров впервые начал постигать нравственную силу и философское наполнение пластической гармонии, симметрии и меры, придавая красоте универсальный смысл и веря в ее созидующую мощь. Религиозное сознание, по Гончарову, неразрывно связано с неосознанным и — в развитых натурах — сознательным желанием гармонии и красоты. Это хорошо просматривается в романе «Обрыв», в особенности в фигуре художника Райского, который неоднократно переживает пароксизмы наслаждения красотой — чаще пластической, но в высшие моменты своей нравственной жизни — красотой духовной, доходя до понимания связи своего желания гармонии и красоты и участия в этом желании Творца, понимания Его прямого духовного «водительства»: Райский «...с ужасом вглядывался и вслушивался в дикие порывы животной, слепой натуры, сам писал ей казнь и чертил новые законы, разрушал в себе “ветхого человека” и создавал нового <...>. Он, с биением сердца и трепетом чистых слез, подслушивал, среди грязи и шума страстей, подземную тихую работу в своем человеческом существе какого-то

таинственного духа, затихавшего иногда в треске и дыме нечистого огня, но не умиравшего и просыпавшегося опять, зовущего его, сначала тихо, потом громче и громче, к трудной и нескончаемой работе над собой, над своей собственной статуей, над идеалом человека» [Гончаров, 1997–2014. Т. 7: 553–554]. Райский, пытаясь создавать собственную «статую», т. е. приблизиться к «идеалу», руководствуется чувством красоты: «С тайным, захватывающим дыханием ужасом счастья видел он, что работа чистого гения не рушится от пожара страстей, а только останавливается, и когда минует пожар, она идет вперед, медленно и туго, но всё идет <...>».

Пробегаая мысленно всю нить своей жизни, он припоминал, какие нечеловеческие боли терзали его, когда он падал, как медленно вставал опять, как тихо чистый дух будил его, звал вновь на нескончаемый труд, помогая встать, ободряя, утешая, возвращая ему веру в красоту правды и добра и силу — подняться, идти дальше, выше...

Он благоговейно ужасался, чувствуя, как приходят в равновесие его силы, и как лучшие движения мысли и воли уходят туда, в это здание, как ему легче и свободнее, когда он слышит эту тайную работу и когда сам сделает усилие, движение, подаст камень, огня и воды» [Гончаров, 1997–2014. Т. 7: 554].

Райский показан здесь как человек, руководимый в своем стремлении к идеалу Святым Духом (а именно процесс «водительства» человека Святым Духом изображен здесь Гончаровым) и собственной потребностью в красоте. Главная внутренняя тема романа — созидание человеческой «статуи», «идеала», «разрушение в себе “ветхого человека” и создание нового». В этом смысле роман «Обрыв» — произведение самое патетическое в творчестве Гончарова, оно прямо соответствует третьей части «Божественной комедии» Данте — «Рая». Оканчивая роман, писатель признавался в письме к М. М. Стасюлевичу: «У меня мечты, желания и молитвы Райского кончаются, как торжественным аккордом в музыке, апофеозом женщин, потом родины России, наконец, Божества и Любви... Я <...> боюсь, что маленькое перо мое не выдержит, не поднимется на высоту моих идеалов — и художественно-религиозных настроений... Но Бог даст — Вера спасет меня!» [Гончаров, 1952–1955. Т. 8: 426].

Высшая красота для автора «Обрыва» — красота духовная, хотя даже лучшие его герои, как обычные люди, редко воспаряют до нее,

чаще же они (Адуев, Обломов, Райский и др.) — переживают падения и стремятся к красоте, замутненной страстями, самообманом и пр.

Понятие «красоты» в этом универсальном смысле Гончаров — сначала под воздействием Н. Надеждина, а потом самостоятельно — начал осмысливать еще в 1830-е гг., опираясь на труды И. Винкельмана [См.: Мельник, 1985: 112–117], Ф. Шиллера, Ф. Шеллинга. Но едва ли не более значимыми должны были оказаться для Гончарова труды английского мыслителя А. Шефтсбери,¹ который первым ясно высказал главную для Гончарова мысль — о том, что нравственное начало коренится в природе человека, в частности, в его эстетических склонностях. Не менее сильное влияние оказал на его взгляды Ф. Шиллер своими «Письмами об эстетическом воспитании человека». По мнению Шиллера, «нравственность заложена не только в рациональной природе человека» и развивается не только «при помощи рассудка», но и потому, что в человеческой природе существует «эстетическое тяготение к ней» [Шиллер. 1957. Т. 6: 145]. Постоянное внимание Гончарова к шиллеровскому пониманию нравственного идеала характерно проявилось, в частности, в его письме к С. А. Никитенко от 21 августа 1866 г.: «Вы свято и возвышенно, по-шиллеровски, смотрите... на человеческую природу — и дай Вам бог до конца донести Ваши верования» [Гончаров, 1978–1980. Т. 8: 314].

Впервые этот эстетический подход к морали человека зримо, почти концептуально, проявился в 1840-е гг. в «Письмах столичного друга к провинциальному жениху». Сам жанр, условно говоря, «писем о красоте» у Гончарова восходит к «Письмам об эстетическом воспитании человека» Шиллера и к «Опыту о свободе острого ума и независимого расположения духа в письме к другу» Шефтсбери. Последний же явно усваивает вместе с принципом единства нравственности и красоты конкретные представления о пластической красоте как о симметрии, пропорции в античной эстетике, что было также особенно близко Гончарову. В «Опыте о свободе острого ума и независимого расположения духа в письме к другу» Шефтсбери, предваряя гончаровские «Письма столичного друга к провинциальному жениху», говорит о «красоте чувств, изяществе движений..., любви к размеренности, к пристой-

¹ Хотя Гончаров нигде не упоминает его имени, он, несомненно, был знаком с философскими трудами Шефтсбери, на что указывает его очерк «Письма столичного друга к провинциальному жениху».

ности, к пропорции» [*Шефтсбери*, 1975: 321]. В этом любопытном по жанру произведении, напоминающем, казалось бы, о типичном «физиологическом очерке», но, по сути, являющемся философским эссе в духе Шефтсбери и Шиллера, Гончаров пытается открыто решать те проблемы, которые остались в художественном подтексте его первого романа «Обыкновенная история».

Писатель уповает на то, что человечеству удастся преодолеть ослабление религиозного чувства, вызванное прорывом в области науки и техники: религиозное чувство неотделимо от стремления к красоте, глубоко заложенного в природе человека. В упомянутом письме к С. А. Никитенко он замечает: «...Эта потребность высокая, свойственная только человеческой природе и которой у животных нет» [*Гончаров*, 1978–1980. Т. 8: 316].¹

Красота — это «мост», соединяющий в человеке внешнее и внутреннее, «биологическое» и духовное. Причем красота духовная связана, по Гончарову, с красотой пластической. В «Письмах столичного друга к провинциальному жениху» писатель показывает, что чувство красоты присуще всем людям без исключения, хотя ее содержание трактуется человеком в зависимости от его развития: от вульгарной «моды» до красоты духовной («нечеловеческой», ангельской). Гончаров настаивает на том, что человек может развиваться, совершенствоваться и, соответственно, «восходить по ступеням» духовного, идеального понимания красоты.

Как уже сказано, Гончаров не только констатирует религиозный кризис, начиная с 1830-х гг., но и подчиняет свое творчество выработке «противоядия», проявляя себя художником с дидактическими наклонностями, который мог бы сказать вместе с Райским: «Хоть рясы и не надену, а проповедовать могу — и искренно, всюду, где замечу ложь, притворство, злость — словом, отсутствие красоты, нужды нет, что сам бываю безобразен» [*Гончаров*, 1997–2014. Т. 7: 38]. В этом смысле давний спор о необыкновенной объективности романиста,² с одной

¹ Эта замечательная формулировка есть буквальное цитирование слов современника Гончарова немецкого философа-естествоиспытателя и богослова Германа Ульрици (1806–1884), книги которого переводились на русский язык: «...способность созерцать прекрасное есть только у человека, но нет ее у животных...» [Цит. по: *Стеллецкий*, 2011. Т. 2: 192].

² Еще В. Г. Белинский заложил эту тенденцию: «Он поэт, художник — и больше ничего. У него нет ни любви, ни вражды к создаваемым им лицам, они его не веселят, не сердят, он не дает никаких нравственных

стороны, и его хорошо скрытом дидактизме — с другой, должен быть разрешен по преимуществу в пользу последнего тезиса. Несомненно, в творчестве Гончарова мощно присутствует момент бессознательного и даже «творческого эпикуреизма», о чем он сам писал неоднократно: «Творчество — своего рода эпикуреизм, наслаждения искусства суть тоже чувственные наслаждения — как... ни оспаривайте: творчество — это высшее раздражение нервной системы, охмеление мозга и напряжённое состояние всего организма...» [Гончаров, 1978–1980. Т. 8: 285]. Или: «У... сознательных писателей ум досказывает, чего не договаривает образ — и их создания бывают нередко сухи, бледны, неполны; они говорят уму читателя, мало говоря воображению и чувству. Они убеждают, учат, уверяют, так сказать, мало трогая. И наоборот — при избытке фантазии и при — относительно меньшем против таланта — уме образ поглощает в себе значение, идею; картина говорит за себя, и художник часто сам увидит смысл — с помощью тонкого критического истолкователя, какими, например, были Белинский и Добролюбов» [Гончаров 1952–1955. Т. 8: 69–70]. Позиционируя себя преимущественно как абсолютно «бессознательного художника» (он постоянно возвращался к определению Белинского), Гончаров в данном случае явно преувеличивает. В другом месте он столь же преувеличенно замечает: «Перестанет он также быть художником и в таком случае, если удалится от образа и станет на почву мыслителя, умника или моралиста и проповедника» [Гончаров, 1952–1955. Т. 8: 211–212]. Недаром подобные высказывания Гончарова вызвали реакцию И. С. Тургенева: «Не могу, кстати, не высказать своего мнения о “бессознательном и сознательном творчестве”, о “предвзятых идеях и тенденциях”, о “пользе объективности, непосредственности и наивности” — обо всех этих “жалких” словах (в выражении “жалкие слова” обнаруживается адресат критики: о “жалких словах” говорит Захар в романе “Обломов” — В.М.), которые, из каких бы авторитетных уст они ни исходили, всегда казались мне общими

уроков ни им, ни читателю, он как будто думает: кто в беде, тот и в ответе, а мое дело сторона. Из всех нынешних писателей он один, только он один приближается к идеалу чистого искусства, тогда как все другие отошли от него на неизмеримое пространство — и тем самым успевают. Все нынешние писатели имеют еще нечто, кроме таланта, и это-то нечто важнее самого таланта и составляет его силу; у г. Гончарова нет ничего, кроме таланта; он больше, чем кто-нибудь теперь, поэт-художник» [Белинский, 1948. Т. 3: 813].

местами, ходячей риторической монетой, которая потому только не считается за фальшивую, что ее слишком многие принимают за настоящую... У нас теперь развелись сочинители, которые сами почитают себя “бессознательными творцами” и выбирают все “жизненные” сюжеты; а между тем насквозь проникнуты именно этой злополучной “тенденцией”» [Тургенев И. С. 1966. Т. XII: 309 — 310].

С другой стороны, Гончаров сам был мыслителем, «проповедником», и обижался, когда в его творчестве не видели ничего, кроме «картин»: «Иные не находили или не хотели находить в моих образах и картинах ничего, кроме более или менее живо нарисованных портретов, пейзажей, может быть живых копий с нравов — и только. За что же тут хвалить? Разве так трудно вообще для таланта, если он есть, нагромоздить в кучу лица провинциальных старух, учителей, женщин, девиц, дворовых людей и т. п.? Что за заслуга?» [Гончаров. 1952–1955. Т. 8: 69–70]. Статья «Намерения, задачи и идеи романа “Обрыв”» (1876) показывает, что Гончаров был прирожденным проповедником: «На искусстве лежит серьезный долг — смягчать и улучшать человека... оно должно представлять ему нелестливое зеркало его глупостей, уродливостей, страстей, со всеми последствиями, словом — осветить все глубины жизни, обнажить ее скрытые основы и весь механизм, — тогда с сознанием явится и знание, как остерегаться» [Гончаров, 1952–1955. Т. 8: 212]. Н. И. Пруцков в своей монографии о Гончарове отмечал: «... Романист то и дело оказывался около той границы, за которой область искусства уступала место... прямому нравоучению... Вся романическая система Гончарова характеризуется оригинальным слиянием удивительной поэтичности в пластическом воспроизведении художником характеров и ситуаций с рационалистичностью в способах, приемах и формах их изображения и оценок. Создается впечатление, что он творил по вдохновению, но “укладывал” результаты своих вдохновений в рационалистические поэтические формы» [Пруцков, 1962: 7, 224].

Серьезно показывать «уродливости» и «страсти» Гончаров начал еще в «Иване Савиче Поджабрине». Казалось бы, легкий нравоописательный очерк, в котором без труда обнаруживаются нарочитые штампы сюжетов и поэтики «натуральной школы» (чиновник, снимающий квартиры и «жуирующий» жизнью), на самом деле, как и «Письма столичного друга», затрагивает существеннейший для писателя вопрос: о стремлении человека к красоте — при извращенных (на низшем, «зо-

ологическом», о чем говорит фамилия героя, уровне духовной жизни) понятиях о ней. Гончаров питает интерес к образу Дон Жуана, на которого ориентированы многие персонажи писателя. Образ Дон Жуана в произведениях Гончарова следует рассматривать не только как доказательство его необычайной способности к масштабной типизации и возведению локальных «типов» к общемировым, но и как признак его постоянного внимания к проблеме красоты и восхождения человека через красоту от «жалкого существа» до «порядочного человека». Дон Жуанов в творчестве Гончарова немало — и в каждом разное соотношение драматического и пародийно-комического элементов [Мельник, 1990: 49–59; Отрадин, 1994: 20; Рецов, 2015: 38–46]. Иван Савич, как и Александр Адуев, это обитатель созданного Гончаровым в 1840-е гг. «Ада». Но даже в Райском серьезная сторона донжуанизма постоянно пересекается с комическим восприятием его «поисков красоты». В этом смысле Гончаров, следуя за замыслом «Божественной комедии», сохраняет лишь основную тенденцию, заложенную в архитектонике его романной трилогии, о которой он сам сказал в статье «Лучше поздно, чем никогда»: «Только когда я закончил свои работы, отошел от них на некоторое расстояние и время, — тогда стал понятен мне вполне и скрытый в них смысл, их значение — идея. Напрасно я ждал, что кто-нибудь и кроме меня прочтет между строками и, полюбив образы, свяжет их в одно целое и увидит, что именно говорит это целое? Но этого не было» [Гончаров, 1952–1955. Т. 8: 67].

Теперь, когда несколько прояснена логика творческого развития Гончарова, сформировавшаяся еще в 1830–1840-е гг., становится понятным, что романист видел упоминаемую им «идею» трилогии еще до создания «Обыкновенной истории». Б. М. Энгельгардт тонко почувствовал, что и «Фрегат “Палладу”» романист писал еще до путешествия, т. е. ориентируясь на определенную уже сложившуюся идею: «... еще не выезжая из Петербурга, Гончаров знал, что и как он напишет» [Гончаров, 2000: 16]. Хотя исследователь имел в виду более частный момент («Очерки путешествия были задуманы им как продолжение “Обломова”...») и сводит дело к литературной мистификации («Литературный смысл этой мистификации выражался в борьбе с романтизмом» [Гончаров, 2000: 16]), он верно угадал дух «Фрегата “Паллады”»: в книге широко и как нигде более открыто выражено мировоззрение Гончарова, поэтому вся ее «философическая часть» сложилась в голове

автора задолго до путешествия — и лишь конкретизировалась непосредственными наблюдениями. «Идея» у романиста сформировалась давно, она делает не только романы Гончарова единой «трилогией», но и придает всему его творчеству цельность и завершенность. «Прочсть между строками» и «связать образы в одно целое» — важнейшая задача современного гончароведения.

Романист надеялся, что тысячелетний перелом истории (изменение религиозного сознания современного человека под влиянием бурного развития науки) будет преодолен той силой, которую заложил в природу человека Творец: это стремление к красоте. Свое творчество он посвятил изображению восхождения человека от «ада» безверия и страстей — по ступеням «очеловечивания» — к высшей, духовной, красоте Христа.

В настоящей статье мы кратко коснулись лишь некоторых сторон целого комплекса проблем, встающих перед исследователем указанной в заглавии темы. Выявление главной движущей идеи гончаровского творчества, особенностей формирования его мировоззрения и творческих замыслов в 1830–1840-е гг., на наш взгляд, заставляет задуматься как о существенной переоценке Гончарова как литературной фигуры XIX в., так и о переосмыслении многих установившихся представлений о его творчестве.

Список литературы

- Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1983. 448 с.
- Белинский В. Г. Собр. соч. : в 3 т. Т. 3. М.: Гос. издат. худ. лит., 1948. 928 с.
- Беляева И. А. «Странные сближения»: Гончаров и Данте // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. М., 2007. Т. 66. № 2. С. 23–28.
- Беляева И. А. «Тройственная поэма» русской жизни: Данте Алигьери — С. П. Шевырев — И. А. Гончаров // Славянский мир: общность и многообразие. Коломна: Коломен. гос. пед. ин-т., 2007. Ч. 1. Литературовед. С. 37–40.
- Богомолова Н. В. Эволюция женского характера в трилогии И. А. Гончарова // Русское литературоведение на современном этапе: / гл. ред. Ю. Г. Круглов; М.: Моск. гос. открыт. пед. ун-т им. М. А. Шолохова, 2006. Т. 1. С. 90–94.
- Богомолова Н. В. Эволюция авторского мировидения в трилогии И. А. Гончарова: дисс. канд. ... филол. наук. М., 2009. 212 с.
- Воробьева М. С. «Карнавальные пары» в романах И. А. Гончарова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Филология. 2004. № 1(5). С. 28–32.
- И. А. Гончаров. Материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 102. М.: Наука, 2000. 736 с.
- Гончаров И. А. О пользе истории // Неделя. М., 1965. № 32.

Гончаров И. А. Письмо к В. С. Соловьеву. Предисловие и публикация В. И. Мельника // И. А. Гончаров (Материалы международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова). Ульяновск, 1994. С. 343–351.

Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1–10. СПб.: Наука, 1997–2014.

Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худ. лит. 1952–1955.

Гончаров И. А. Собр. соч.: 8 т. М.: Худ. лит., 1978–1980.

Доманский В. А. Сады Гончарова // Доманский В. А., Кафанова О. Б., Шарафадина К. И. Литература в синтезе искусств: в 3 т. / СПб.: Гос. ун-т технол. и дизайна, 2010. Т. 1. Сад и город как текст. С. 187–223.

Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1988.

Кочетова В. Г. К вопросу о типологии характеров в произведениях И. А. Гончарова // Художественный текст: варианты интерпретации / отв. ред. В. А. Акимов. Бийск, 2006. Ч. 1. С. 281–288.

Кубасов А. В. «Мовизм» позднего Гончарова: «Май месяц в Петербурге» // Материалы VI международной научной конференции, посвященной 205-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2017. С. 247–254.

Лосев А. Ф. Вл. Соловьев. М.: Мысль, 1983. 208 с.

Ляцкий Е. А. Роман и жизнь: Развитие творческой личности И. А. Гончарова: Жизнь и быт. 1812–1857. Прага: Пламя, 1925. 392 с.

Мельник В. И. Евангельский текст новеллы–притчи «Уха» И. А. Гончарова // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 2. С. 60–80.

Мельник В. И. И. А. Гончаров: духовные и литературные истоки. М.: МГУП, 2000. 282 с.

Мельник В. И. Гончаров и православие: духовный мир писателя. М.: Дарь, 2008. 544 с.

Мельник В. И. Реализм И. А. Гончарова. Владивосток: Изд-во Дальневосточного государственного университета, 1985. 140 с.

Мельник В. И. Тема донжуанизма в творчестве И. А. Гончарова // Метод, жанр, поэтика в зарубежной литературе. Фрунзе. Изд-во Киргизского государственного университета. 1990. С. 49–59.

Мельник В. И. Этический идеал И. А. Гончарова. Киев: «Лыбидь», 1991. 152 с.

Мерзляков А. Краткое начертание теории изящной словесности. М., 1822. 328 с.

Недзвецкий В. А. Психологическое течение в литературе критического реализма (Тургенев, Гончаров, Писемский, Островский) // Развитие критического реализма в русской литературе: в 3 т. / отв. ред. К. Н. Ломунов. М.: Наука, 1973. Т. 2, кн. 1. Расцвет критического реализма. 40–70 гг. С. 15–149.

Никитина Н. И., Сукайло В. А., Кукуева А. И. Описание библиотеки И. А. Гончарова. Каталог. Ульяновск, 1987. 120 с.

Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994. 168 с.

Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова–романиста. М.–Л.: АН СССР, 1962. 320 с.

Рецов В. В. Иван Аянов в роли «несравненного Лепорелло (к вопросу о теме Дон Жуана в романе И. А. Гончарова «Обрыв» // Известия Южного федерального университета. 2015. № 1. С. 38–46.

- Соловьев В. С. Избранное. М.: Советская Россия, 1990. 496 с.
- Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. М., 1881. 382 с.
- Проф. Николай Стеллецкий. Опыт нравственного православного богословия в апологетическом освещении: в 3 т. Т. 2. М.: ФИБ, 2011. 736 с.
- Тиндаль Д. Речи и статьи. М., 1875. 188 с.
- Толстая С. А. Дневники. В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1978. 628 с.
- Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Соч. Т. XII. М.–Л.: Наука, 1966. 584 с.
- Фламарион К. Многочисленность обитаемых миров. М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1908. 240 с.
- Фламарион К. Планета Марс и условия обитания на ней. М., 1909. 234 с.
- Цейтлин А. Г. Гончаров. М.: Изд-во АН СССР. 1950. 492 с.
- Цейтлин А. Г. Трилогия Гончарова // Родной язык в школе. 1927. № 4. С. 95–108.
- Хувилер — Фан дер Хаген А. Трилогия ли романы Гончарова? // Ivan A. Goncarov: Leben, Werk und Wirkung. Beitrage der I. Internationalen Goncarov-Konferenz. Bamberg, 8–10. Oktober 1991 / hg. von P. Thiergen. Koln, 1994. С. 73–81.
- Шевырев С. П. Дант и его век. Исследование о Божественной комедии // Учен. зап. Императорского Московского университета. М.: Университетская типография, 1834. № 7. С. 118–180.
- Шевырев С. П. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 776 с.
- Шефтсбери А. Эстетические опыты. М.: Искусство, 1975. 536 с.
- Шиллер Ф. Собр. соч.: в 7 т. М.: Художественная литература, 1955–1957. Т. 6. 792 с.
- Charles H. Kahn. Anaximander and the Originsof Greek Cosmology. ColumbiaUniversity Press, New York, 1960. Пер. М. Н. Вольфа [Электронный ресурс]. URL: https://nsu.ru/classics/Wolf/Kahn_2.htm (дата обращения: 04.07.2019)
- Dreper J. History of the conflict between religion and science. New York: D. Appleton, 1874. 266 p.
- Dreper J. History of the intellectual development of Europe. Paris, 1862. 544 p.
- Figuiet L.L' annee scientifique et industrielle. Paris, 1875. 856 p.
- Flammarion C. La pluralite des mondes habites, etudes ou l on expose les conditions... Paris, 1872. 366 p.
- Flammarion C. Les merveilles celestas, lectures du Soir. Paris, 1869. 362 p.
- Flammarion C. Recits de l infini, humaine histoire d une cjmete dans l infini. Paris, 1873. 416 p.
- Secchi A. Le Soleil: expose des principales decouvertes modernes sur la structure de cet, son influence dans l'univers et ses relations avec les autres corps celestas... Paris, 1870. 432 p.

References

- Alekseev M. P. *Sravnitel'noe literaturovedenie* [Comparative literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 448 p. (In Russ.)

Belinskii V. G. *Sobr. soch. v 3 t. T. 3* [Coll. Op. In 3 volumes. Vol. 3]. Moscow, Gos. izdat. khud. lit. Publ., 1948. 928 p. (In Russ.)

Beliaeva I. A. «*Strannye sblizheniia*»: *Goncharov i Dante* ["Strange convergence": the potters and Dante]. *Izv. RAN. Ser. lit. i iazyka* Publ. Moscow, 2007. Vol. 66, № 2. P. 23–28. (In Russ.)

Beliaeva I. A. «*Troistvennaia poema*» *russskoi zhizni: Dante Aligheri* — S. P. Shevyrev — I. A. Goncharov ["Triple poem" of Russian life: Dante Alighieri — S. P. Shevyrev — I. A. Goncharov]. *Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie*: Kolomna, Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Kolomen. gos. ped. in-t Publ., 2007. Ch. 1. Literaturoved. P. 37–40. (In Russ.)

Bogomolova N. V. *Evoliutsiia zhenskogo kharaktera v trilogii I. A. Goncharova* [Evolution of the female character in I. A. Goncharov's trilogy]. Russian literary studies at the present stage: Proceedings of the V International conference. Moscow, Moscow state Open pedagogical University named after M. A. Sholokhov Publ, 2006, Vol. 1. P. 90–94. (In Russ.)

Bogomolova N. V. *Evoliutsiia avtorskogo mirovideniia v trilogii I. A. Goncharova* [Evolution of the author's worldview in Goncharov's trilogy]. diss. kand. filol. nauk. Moscow, 2009. 212 p. (In Russ.)

Vorob'eva M. S. «Karnaval'nye pary» v romanakh I. A. Goncharova ["Carnival couples" in I. A. Goncharov's novels]. *Vestnik Nizhegorodskogo unstituta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. Filologiya*. 2004, № 1(5). P. 28–32. (In Russ.)

I. A. Goncharov. *Materialy i issledovaniia. Lit. nasl.* [Materials and research. Literary heritage]. Vol. 102. Moscow, Nauka Publ, 2000. 736 p. (In Russ.)

Goncharov I. A. *O pol'ze istorii* [The benefits of history]. Nedelia. Moscow, 1965. № 32. (In Russ.)

Goncharov I. A. *Pis'mo k V. S. Solov'evu* [Letter to V. S. Solovyov]. Predislovie i publikatsiia V. I. Mel'nika. I. A. Goncharov. U'ianovsk. 1994. S. 343–351. (In Russ.)

Goncharov I. A. *Poln. sobr. soch v 20 t.* [Complete works in 20 vols]. Vol. 1–10. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1997–2014. (In Russ.)

Goncharov I. A. *Sobr. soch. v 8 t.* [Complete works in 8 vols.]. Moscow, Gos. Izd-vo khud. lit. Publ., 1952–1955. (In Russ.)

Goncharov I. A. *Sobr. soch. v 8 t.* [Complete works in 8 vols]. Moscow, Khud. lit., 1978–1980. (In Russ.)

Domanskii V. A. *Sady Goncharova* [Goncharovs Gardens] Domanskii V. A., Kafanova O. B., Sharafadina K. I. *Literatura v sinteze iskusstv: V 3 t.* SPb. gos. un-t tekhnol. i dizaina. Saint-Petersburg, 2010. Vol 1. Sad i gorod kak tekst. P. 187–223. (In Russ.)

Dostoevskii F. M. *Sobranie sochinenii v 30 t.* [Complete works in 3 vols]. Leningrad, Nauka Publ, 1972–1988. (In Russ.)

Kochetova V. G. *K voprosu o tipologii kharakterov v proizvedeniiakh I. A. Goncharova* [On the typology of characters in the works of I. A. Goncharov]. *Khudozhestvennyi tekst: varianty interpretatsii, otv. red. V. A. Akimov.* Biisk, 2006. Ch. 1. P. 281–288. (In Russ.)

Kubasov A. V. «*Movizm*» *pozdnego Goncharova: «Mai mesiats v Peterburge»* ["Momism" late Goncharov: "the month of May in St. Petersburg"]. U'ianovsk, 2017. P. 247–254. (In Russ.)

- Losev A. F. *Vladimir Solov'ev* [Vladimir Solovyov]. Moscow, 1983. 208 p. (In Russ.)
- Liatskii E. A. *Roman i zhizn': Razvitie tvorcheskoi lichnosti I. A. Goncharova: Zhizn' i byt. 1812–1857* [Novel and life: the Development of the creative personality by I. A. Goncharov: the Life and way of life] Praga, Plamya, 1925. 392 p. (In Russ.)
- Meĭnik V. I. Evangel'skii tekst novely–pritchi «Ukha» I. A. Goncharova [The gospel text of the novel-parable “Ear” I. A. Goncharov]. *Problemy istoricheskoi poetiki*. Petrozavodsk. 2017. Vol. 15, № 2. P. 60–80. (In Russ.)
- Meĭnik V. I. I. A. *Goncharov: dukhovnye i literaturnye istoki* [Goncharov: spiritual and literary sources.]. Moscow, Moscow state University of printing arts Publ., 2000. 282 p. (In Russ.)
- Meĭnik V. I. *Goncharov i pravoslavie: dukhovnyi mir pisatel'ia* [Goncharov and Orthodoxy: the spiritual world of the writer]. Moscow, “Dar” Publ., 2008. 544 p. (In Russ.)
- Meĭnik V. I. *Realizm I. A. Goncharova* [Realism of I. A. Goncharov]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevostochnogo gosuniversiteta Publ., 1985. 140 p. (In Russ.)
- Meĭnik V. I. *Tema donzhuanizma v tvorchestve I. A. Goncharova* [Theme longuenesse in the works of I. A. Goncharov]. Metod, zhanr, poetika v zarubezhnoi literature. Frunze, Izd-vo Kirgizskogo gosuniversiteta Publ., 1990. P. 49–59. (In Russ.)
- Meĭnik V. I. *Eticheskii ideal I. A. Goncharova* [I. A. Goncharov's ethical ideal]. Kiev, «Lybid'» Publ., 1991. 152 p. (In Russ.)
- Merzliakov A. *Kratkoe nachertanie teorii iziashchnoi slovesnosti* [Brief outline of the theory of fine literature]. Moscow, 1822. 328 p. (In Russ.)
- Nedzvetskii V. *Psikhologicheskoe techenie v literature kriticheskogo realizma (Turgenev, Goncharov, Pisemskii, Ostrovskii)* [Psychological course in the literature of critical realism (Turgenev, Goncharov, Pisemsky, Ostrovsky)]. *Razvitie kriticheskogo realizma v russkoi literature: v 3 t. / otv. red. K. N. Lomunov*. Moscow, Nauka Publ., 1973. Vol. 2, Ch. 1. P. 15–149. (In Russ.)
- Nikitina N. I., Sukailo V. A., Kukueva A. I. *Opisanie biblioteki I. A. Goncharova. Katalog* [Description of the library I. A. Goncharov. Catalogue]. Ul'ianovsk, 1987. 120 p. (In Russ.)
- Otradn M. V. *Proza I. A. Goncharova v literaturnom kontekste* [Goncharov's prose in the literary context]. Saint-Petersburg, SPb university Publ., 1994. 168 p. (In Russ.)
- Prutskov N. I. *Masterstvo Goncharova-romanista* [Skill Goncharov-novelist]. Moscow-Leningrad, AN SSSR Publ., 1962. 320 p. (In Russ.)
- Retsov V. V. *Ivan Aianov v roli «nesravnennogo Leporello (k voprosu o teme Don Zhuana v romane I. A. Goncharova «Obryv»* [Ivan Ayanov in the role of incomparable Leporello (on the topic of don Juan in the novel by I. A. Goncharov “Break”]. *Izvestiia Iuzhnogo federal'nogo universiteta*. 2015, № 1. P. 38–46. (In Russ.)
- Solov'ev V. S. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1990. 496 p. (In Russ.)
- Solov'ev V. S. *Chteniia o bogochelovechestve* [Reading about God-mankind]. Moscow, 1881. 382 p. (In Russ.)
- Prof. Nikolai Stelletsii. *Opyt nraivstvennogo pravoslavnogo bogosloviia v apologeticheskom osveshchenii* [The experience of moral Orthodox theology in an apologetic light]. In 3 vols. Vol. 2. Moscow, FIV Publ., 2011. 736 p. (In Russ.)

- Tindal' D. *Rechi i stat'I* [Speeches and articles]. Moscow, 1875. 188 p. (In Russ.)
- Tolstaia S. A. *Dnevnik*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Khud. lit. Publ., 1978. 628 p. (In Russ.)
- Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 28 t* [Complete works and letters. In 28 vols.] Vol. XII. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1966. 584 p. (In Russ.)
- Flammarion K. *Mnogochislennost' obitaemykh mirov* [The number of inhabited worlds]. Moscow, Tovarishchestvo I. D. Sytina Publ., 1908. 240 p. (In Russ.)
- Flammarion K. *Planeta Mars i usloviia obitaniia na nei* [The planet Mars and the habitat on it]. Moscow, 1909. 234 p. (In Russ.)
- Tseitlin A. G. Goncharov [Goncharov]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1950. 492 p. (In Russ.)
- Tseitlin A. G. *Trilogiia Goncharova* [Goncharov's Trilogy]. *Rodnoi iazyk v shkole*. 1927. No 4. P. 95–108. (In Russ.)
- Khuviler — Fan der Khagen A. *Trilogiia li romany Goncharova? Ivan A. Goncarov: Leben, Werk und Wirkung*. Beitrage der I. Internationalen Goncarov-Konferenz. Koln, 1994. S. 73–81.
- Shevryev S. P. *Dant i ego vek. Issledovanie o Bozhestvennoi komedii* [Dant and his age. The study of the divine Comedy]. *Uchen. zap. Imperatorskogo Moskovskogo universiteta*. Moscow, Universitetskaia tipografiia. 1834, № 7. P. 118–180. (In Russ.)
- Shevryev S. P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2010. 776 p. (In Russ.)
- Sheftsberi A. *Esteticheskie opyty* [Aesthetic experience]. Moscow, Iskusstvo, 1975. 536 p. (In Russ.)
- Shiller F. *Sobr. soch.: v 7 t.* [Collected works in 7 vols] Vol. 6. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ, 1955–1957. 792 p. (In Russ.)
- Charles H. Kahn. Anaximander and the Origins of Greek Cosmology. Columbia University Press, New York, 1960. Per. M. N. Vol'fa URL: https://nsu.ru/classics/Wolf/Kahn_2.htm (access date: 04.07.2019).
- Dreper J. History of the conflict between religion and science. New York: D. Appleton, 1874. 266 p.
- Dreper J. History of the intellectual development of Europe. Paris, 1862. 554 p.
- Figuier L. L'annee scientifique et industrielle. Paris, 1875. 855 p.
- Flammarion C. La pluralite des mondes habites, etudes ou l'on expose les conditions... Paris, 1872. 366 p.
- Flammarion C. Les merveilles celestes, lectures du Soir. Paris, 1869. 362 p.
- Flammarion C. Recits de l'infini, humaine histoire d'une cjmte dans l'infini. Paris, 1873. 416 p.
- Secchi A. Le Soleil: expose des principales decouvertes modernes sur la structure de cet, son influence dans l'univers et ses relations avec les autres corps celestes... Paris, 1870. 432 p.